

ШАРЛЬ НОДЬЕ И ПУШКИН

Посвящается В. А. Францеву

I. Общая характеристика Нодье

Мечтатель —

« O, mes amis, quel plaisir de rêver ».

Nodier.

Стилист —

« Le mot doit mûrir sur l'idée
Et puis tomber comme un fruit mûr ».

Nodier.

Эрудит и воспитатель —

« C'est lui qui nous a tous faits ».

Francis Wey о Нодье.

Одно время, в эпоху торжества реализма и затем символизма, Нодье считали забытым. Этого теперь нельзя сказать — о нем в последние десятилетия возникла целая литература, частью носящая характер настоящих исследований по сравнительной истории литературы. И образ Нодье, для его современников-французов живой, на этом историческом фоне и для нас вырисовывается с полной отчетливостью и выразительностью.

Крестный отец французского романтизма был сам крещен в водах порожденной «классическим духом» великой французской революции и всегда оставался классиком с романтическим помазанием. Уроженец города Безансона, столицы Франш-Конте (род.

1780, ум. 1844), он, рано созревшим мальчиком, уже ораторствовал на революционных сходбищах, затем обернулся контрреволюционером и как таковой попал в эпоху директории и консульства в «неблагонадежные» и «поднадзорные», прегрешив против Наполеона стихотворением, впрочем скорее республиканским, чем роялистским. Рано Нодье пристрастился к книгам, к языку и языковедению и в то же время — к природе, к насекомым и к растениям.

Это вообще характерно для людей XVIII и начала XIX в., — не случайно, ведь, философ Шарль Боннэ, посещение которого так мило и забавно описал Карамзин в «Письмах русского путешественника», был энтомологом и ботаником, чувствительный Руссо — не только специалистом по музыке, но тоже и ботаником, «изведавший» до конца человека и человечество Гете — всеобъемлющим испытателем «естества», тонкий поэт Шамиссо, француз по рождению, немец по национальности — настоящим зоологом, сделавшим обессмертившее его открытие, и т. д. Романтик, мечтатель и любитель фантастики, Нодье был книжным червем, библиофилом, библиографом и эрудитом-лингвистом. В нем как-то жили дружно, дополняя одна другую, две стихии: поэзии и учености, хотя, быть может, поэтому ему и было трудно быть первоклассным поэтом и полновесным ученым.

Но все-таки он был настоящим, возвышавшимся до подлинного вдохновения, художником, первоклассным стилистом и интереснейшим «эрудитом»-самоучкой (известную роль в его эрудиции сыграло платное секретарство у английского любителя филолога Крофта, бывшего в плену во Франции). Еще в ранней юности Нодье был библиотекарем в своем родном городе, потом судьба его забросила (в эпоху французской оккупации) библиотекарем и официальным редактором казенной французской газеты в столицу Словении, Любляны. Тут он воспринял славян-

ские, для француза восточные и экзотические, впечатления, давшие богатую пищу и его мечтательности и его любознательности. Затем Нодье вернулся во Францию и занял видное место в литературе и как новеллист, и как литературный критик.

Рано и сильно на его восприимчивый и доступный книжным влияниям дух стали действовать иноземные литературные влияния, английские и немецкие: Шекспир, Гете, Шиллер. Потом к этим великанам присоединились другие: Байрон, Вальтер-Скотт, Гофман. Сент-Бев метко характеризует Нодье, как «младшего брата (впрочем, чисто французского по духу) великих иностранных поэтов-романтиков». А для современной Нодье молодой романтической Франции он — по словам того же наблюдательного и умного современника — был «старшим братом и притом самым чутким и внимательным», явившимся таким образом «всеобщим предтечей».

Я не задаюсь здесь целью — дать исчерпывающую характеристику Нодье. Моя задача — лишь познакомить читателя в общих чертах с этой крупной фигурой французской литературы, у которой общим с нашим несравненно более значительным, творчески мощным Пушкиным было именно особое и редкое сочетание начала романтического, стихии мечтательности и фантастики, с началом классическим, с стихией ясности, порядка, меры. У Нодье, впрочем, в его художественных произведениях стихия классическая не была ни так ясно выражена, ни так гармонически слита с стихией романтической, как у Пушкина. Обе эти стихии скорее были у Нодье элементами многогранной индивидуальности, чем объективными началами художественного творчества. Но во всяком случае этот «романтик», как личность, был подлинным «классиком» в том же смысле, в каком ими были и Пушкин и, конечно, Гете.

Весьма возможно и даже вероятно, что Нодье,

который отчасти, но по моему мнению не исключительно по внешним причинам, одно время, как сотрудник *Journal des Débats*, нападавал на романтизм, — оказал и в этом смысле известное влияние на Пушкина, также как более чем вероятно, что увлечение Вальтер-Скоттом и критическое отношение к Гюго (с которым Нодье был лично дружен) были впервые внушены молодому Пушкину именно отзывами Нодье.

По существу, в основном, точный и трезвый до сухости стэндалианец Меримэ, который, унаследовав академическое кресло Нодье, не любил и не ценил своего предшественника, был, конечно, более родственен Пушкину, чем Нодье. В Пушкине, при огромной силе воображения и лирическом напряжении, вовсе не было той чувствительности, которую большинство «романтиков», и в том числе Нодье, прямо и через разные промежуточные влияния, получили по наследству от Руссо.

Следует еще отметить, что из французских писателей, относимых к «романтикам», Пушкин и князь Вяземский весьма высоко ставили Бенжамена Констана, как автора «Адольфа». Вяземский, как известно, перевел «Адольфа», а Пушкин по этому поводу написал о романе Констана восторженный отзыв. С Бенжаменом Констаном, который был старше Нодье на 13 лет, автор «Жана Сбогара», называющий Констана (в предисловии к «Сбогару») «*mon illustre ami*», был в довольно близких отношениях. Но Бенжамен Констан, при всей «психологичности» своего дарования, вовсе не был «чувствительным» в смысле Руссо. В нем была сдержанность, трезвенность и сухость, которые отсутствовали у Руссо, хотя оба они были швейцарцами и протестантами по рождению.

Тех, кто интересуется Нодье, я отсылаю, для общей характеристики — к статьям о нем Сент-Бева (в *Portraits littéraires*) и Фагэ (в сборнике новелл Нодье,

издание коллекции «Lutétia»); для историко-литературной рамки, в которую необходимо вставить Нодье — к книгам покойного Michel Salomon, *Charles Nodier et le groupe romantique* (1897) и Jean Larat, *La Tradition et l'exotisme dans l'œuvre de Charles Nodier. Etudes sur les origines du romantisme français*, Paris 1923 (страсбургская теза). Последнему автору принадлежит и критическая библиография Нодье. «Жан Сбогар», как литературное явление, всего полнее рассмотрен в капитальном исследовании о Меримэ сербского ученого Войслава М. Иовановича: «*La Guzla*» de Prosper Mérimée. *Etude d'histoire romantique*. Paris 1911 (гребенбильская теза).

II. «Жан Сбогар» Нодье и «Дубровский» Пушкина.

А нынче все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен и в романе,
И там уж торжествует он.
Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы,
И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль Вечный Жид, или Корсар,
Или таинственный Сбогар. *)

(Пушкин «Евгений Онегин»)

В 1818 г. появилась (анонимно) повесть Нодье «Жан Сбогар». В построении этого произведения нет той геометрической отчетливости, которая отличает повести «ирониста» и эрудита Меримэ и спокойно-

*) **Примечание Пушкина:** Вампир, повесть, неправильно приписанная Байрону. Мельмот, гениальное произведение Матюрина. Jean Sbogar, известный роман Карла Нодье.

мощного классика Пушкина. Как рассказ, повесть Нодье расплывчата и несобрана.

Содержание ее вкратце таково:

Около Триеста живут две сестры, одна вдова, другая девица, дочери италянизированного французского эмигранта. Старшая, мечтательная, но в то же время покорная судьбе и уравновешенная, опекает единокровную младшую сестру, чувствительную, но хрупкую, подверженную припадкам слез и дрожи, склонную к одиночеству, едва ли не душевнобольную. В связи с войной в Истрии появились разбойничьи банды, и среди них «братья общего блага», во главе которых стоит пресловутый Жан Сбогар. Это — разбойники-анархисты (Нодье этого слова не употребляет, но таков смысл даваемой им характеристики), борющиеся против общественного порядка, во имя «свободы и счастья». На целом ряде разговоров и встреч читателю внушается мысль о какой-то таинственной связи, рождающейся между Антонией — так зовут младшую сестру — и Жаном Сбогаром. Эта мысль является чем-то вроде навязчивой идеи, и в то же время объективным фактом, преследующим Антонию.

Жан Сбогар — не обыкновенный злодей и главарь преступной шайки, а разбойник-мыслитель и мечтатель, аристократ какого-то неведомого, почти сказочного происхождения, легко изъясняющийся почти на всех языках. Он знает, что родился «под роковой звездой», и тайну и тяжесть своего злосчастья он носит в душе своей.

Сестры по делам уезжают в Венецию.

Венеция в это время была полна слухов и разговоров о молодом таинственном иноземце, по имени Лотарио, который появляется и исчезает так, что его не видят нигде, для того, чтобы затем увидеть повсюду, который сыплет деньгами и расточает благодеяния, защищает угнетенных, спасает несчастных, по-

павших в руки «сбиров», останавливает злодеев, успокаивает бунтующую толпу. Народная толпа ему покорствуется, а сильные мира сего высоко ценят. Он избегает богатых и сильных: бедным и слабым он помогает, нисходя для них со своих высот.

Друзей у Лотарио не было, и никто его, в сущности, не знал. Известно было только, что он несколько лет назад ухаживал за одной знатной девицей, а когда он уехал, девица исчезла и лишь впоследствии в песках отмели, на которой возвышается знаменитый армянский монастырь, нашли ее мертвое тело.

В рассказах о таинственном иноземце поражало то, что, как бы далеко назад ни уводили эти рассказы, в них Лотарио являлся всегда в одном возрасте и образе — юным и цветущим.

Однажды сестры встретились с Лотарио, и Антония почувствовала к загадочно-роковому и неотразимо-властному Лотарио какое-то странное чувство, не ужас, не трепет любви: это было «что-то смутное, не очерченное, темное, не то воспоминание, не то сон, не то подкрадывающаяся лихорадка». Антония испытывала к Лотарио «какую-то нежность и в то же время — ненависть, что-то в одно и то же время — изумляющее и отталкивающее, зовущее и удручающее». Однажды Лотарио запел, и пел он ту песню о Жане Сбогаре, которую Антония слышала у себя в Истрии от старого далматинца во время одной из загадочных и знаменательных встреч, когда рождалась ее таинственная связь со Сбогаром.

Лотарио делится с Антонией своим отвращением к цивилизации и культурному обществу, своей любовью к дикой независимости.

Антония и Лотарио полюбили друг друга. Чувство Лотарио носило совершенно особую печать какой-то привязанности «важной и обдуманной, скупой на оказательства и увлечения, довольствующейся малым

и тотчас с величайшей сдержанностью уходявшей во внутрь, лишь только у Лотарио являлось опасение, что его чувство обнаруживается слишком явственно». В ряде сцен и разговоров намечаются внутренние трудности этой близости, над которой тяготеет роковая тайна, объемлющая все существование Лотарио. Наконец Антония получает от него письмо, в котором Лотарио прощается с нею навсегда, идя «на смерть, которая его слишком долго щадила». В комнате, в которой Антония в последний раз видела Лотарио, она нашла в кожаном переплете листки — их Лотарио, повидимому, оставил намеренно. Некоторые из этих листков были написаны кровью. На них были, в стиле афоризмов, начерчены смелые, парадоксальные мысли.

Сестры оставляют Венецию и морем отправляются к себе. Во время этого плавания на корабль нападает банда Сбогара, убивает старшую сестру и уводит Антонию в разбойничий замок Дуино. Там она сходит с ума, но Сбогар сам заботится о ней с деликатностью и вниманием, которые не ускользнули бы от нее, если бы ее рассудок не был помрачен. Сбогар появлялся перед ней, всегда закрытый вуалью или шлемом, покрывавшим все его лицо. Но часто во сне своем и иногда как будто и наяву она видела Лотарио на месте Сбогара.

Безумная Антония проводит два месяца в замке. Но вот замок окружают французские солдаты, вторгаются в него, перебивают большинство разбойников, а остальных берут в плен. Во время борьбы происходит жуткая сцена: Антония и Сбогар обмениваются брачными лобзаниями, от которых безумная Антония испытала «неизъяснимое опьянение» и «пожирающую усладу».

В числе пленников находились Сбогар и сумасшедшая Антония. Она выздоровела и собиралась принять монашество. Во время следствия судебные

власти решили предъявить Антонии всех взятых в плен разбойников, с мыслью, что, может быть, она, единственное существо, смягчавшее в свое время суровую душу неведомого никому, таинственного Сбогара, узнает его среди других. Когда они дефилировали перед Антонией, она, увидев одного, с криком: «Лотарио!» — бросилась к нему.

И в ответ раздалось: «Нет, нет, я Жан Сбогар!»

«Лотарио, Лотарио!» — повторяла Антония и вновь услышала в ответ: «Жан Сбогар!»

И с криком: «Жан Сбогар! Боже!» — Антония пала замертво. Один из сборов, подняв саблей ее голову, сказал:

— Девушка эта скончалась!

— Скончалась! — повторил Жан Сбогар, напряженно вглядываясь в лицо мертвой. — Идем дальше!

На этих словах кончается произведение Нодье, озаглавленное им «Исторический роман».

Анонимный роман Нодье приписывали баронессе Крюденер, знаменитой во французской литературе как автор романа «Валерия» и в русской истории — по своим отношениям с Александром I. А также — Бенжамену Констану. Об этом Нодье сам говорит в предисловии к тому изданию его «романа», в котором было раскрыто его авторство.

За «Сбогара» Нодье обвиняли в плагиате у Байрона, как автора «Пожара», и у немецко-швейцарского писателя Цшокке, как автора «Абелино». Влияния эти, в особенности Цшокке, на Нодье, как автора «Сбогара», несомненны. Сам Нодье выдавал содержание своего произведения за истинное происшествие и Сбогара за историческую личность. На самом же деле Нодье своеобразно разработал в своем «Сбогаре» популярную тему той эпохи — «благородного» и «идейного» разбойника, личность которого в ходе

действия для внешнего мира раздвоится. Ни о каком плагиате Нодье не может поэтому быть и речи. Но с другой стороны никакого Сбогара никогда не существовало: Нодье его просто выдумал. Основной мотив его произведения со времен «Разбойников» Шиллера — носился в воздухе, и этот мотив Нодье со свойственной ему восприимчивостью подхватил и оригинально использовал. Оригинальность Нодье состояла, однако, не в мнимом местном колорите, для которого у Нодье — пребывание его в славянских странах было весьма кратковременно — не было ни материала, ни знаний (славянских языков он совсем не знал), а прежде всего в своеобразной и довольно тонкой, правда лишенной красочности и рельефности, «дымчатой» трактовке трудного по своей надуманности и искусственности, хотя и занимательного психологически, сюжета. И, во-вторых, оригинален Нодье тем, что он в своем произведении чрезвычайно интересно и отчетливо ввел в идеалистически-разбойничью идеологию Лотарио-Сбогара элементы анархического мировоззрения. Кажется, до сих пор никем не замечено и не отмечено, что в «Листках» (Tablettes) Лотарио Нодье не только повторяет Руссо, но отражает и предвосхищает идеи анархии. В этом сказалась общая идейная восприимчивость, столь характерная для Нодье. Это не значит вовсе, чтобы он сам был сколько-нибудь анархистом. Наоборот, в ту эпоху Нодье весьма определенно и формально являлся консерватором-легитимистом. Но вообще у Нодье не было никогда прочных и продуманных собственных политических убеждений и философских взглядов. Он отличался лишь в весьма сильной мере способностью «перевоплощаться», усваивая или даже предвосхищая чужие мысли и настроения. Всего естественнее в «анархических» идеях Лотарио-Сбогара искать какого-то, может быть, весьма непрямого, отражения идей английского социолога Годвина и его круга.

Пушкин в своем «Дубровском», взяв тот же основной мотив, что и Нодье в «Сбогаре», — образ благородного и идейного разбойника, личность которого для внешнего мира раздвояется, — разработал эту тему совсем иначе, чем Нодье, как большой художник, и притом в лучшем смысле реалист, действительно придав ей и местный колорит, и бытовую красочность, и психологическую рельефность. Действующие лица «Дубровского» не объятые романтической дымкой тени, как Антония, ее сестра и Лотарио-Сбогар у Нодье, а настоящие живые люди, вставленные в трепещущую жизнью бытовую рамку крепостной России. «Дубровский», рядом с «Капитанской Дочкой» и «Арапом Петра Великого», свидетельствует о том, как чутко и тонко Пушкин способен был воспринимать и воспроизводить историческую действительность и как эта действительность под его гениальным пером превращалась в подлинное действие. В «Дубровском» Пушкина перед нами развивается не романтическая схема, как у Нодье, а разворачивается живая драма.

Но, несравненно превосходя произведение Нодье художественной силой и красочностью, повесть Пушкина не представляет того идеологического интереса, который «Сбогару» Нодье придает **романтическое предвосхищение анархического мировоззрения.**

П. Б. СТРУВЕ

ДУХ И СЛОВО

Статьи о русской
и западно-европейской литературе

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève
75005 PARIS